

«ДУХ ВРЕМЕНИ» И «ДУХ НАРОДА» В ПОЭТИЧЕСКИХ МАНИФЕСТАХ Н.А.ЛЬВОВА

© 2009 Е.Г.Милюгина

Тверской государственный университет

Статья поступила в редакцию 08.04.2009

Статья посвящена проблеме восприятия Н.А.Львовым (1753 – 1803) русской фольклорной традиции и специфике ее преломления в его творчестве. Впервые в данном аспекте анализируются как эстетический комплекс его поэтические манифесты «Русский 1791 год» и «Добрыня». Цель исследования – уяснение львовской концепции национальной специфичности в искусстве.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Н.А.Львов, фольклорная традиция, проблема национальной специфичности в искусстве.

Оживление внимания исследователей к творчеству Н.А.Львова в последние десятилетия выразилось в интересных и глубоких работах, касающихся той или иной конкретной сферы его деятельности: архитектурной, поэтической, драматургической, издательской и др. Однако личность поэта представлена в них фрагментарно – по видам искусства или литературным жанрам, а вот как духовно-творческое целое она по-прежнему остается загадкой. Миропонимание Львова как целостная система, его самоопределение в сфере культуры, искусства и творчества – актуальные проблемы изучения наследия поэта на современном этапе.

Одной из важнейших в этом комплексе вопросов является проблема понимания Львовым «духа времени» и «духа народа», определяющая особенности его искусства и жизнотворчества. Эта проблема уже поставлена на материале отдельных его сочинений: стихов и поэтических набросков¹, эстетических суждений², фрагментов поэмы «Добрыня»³. Сделанные учеными наблюдения, при всей справедливости и точности, нуждаются, однако, в систематизации и обобщении на более широком материале. Главный интерес в этом плане представляют программные поэмы Львова «Русский 1791 год» и «Добрыня». Их комплексный анализ в контексте духовно-эстетических исканий европейских мыслителей XVIII в. и является задачей настоящей статьи.

Художественное творчество Львова формировалось в тот период, когда одной из наиболее актуальных в искусстве была проблема национальной спе-

цифичности. На ее решение в Европе большое влияние оказали труды Ш.Л.Монтескье и И.Г.Гердера. Монтескье в трактате «О Духе законов» (1748) говорил об огромной роли климата, религии, нравов и обычаев в формировании «духа народа»⁴. В результате *национальное*, трактовавшееся ранее как вариант некоего инвариантного общечеловеческого, было переосмыслено в индивидуальное и специфичное явление, которое можно объяснять и типологизировать, но, однако, нельзя понимать как простой вариант некоего инварианта⁵. Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (опубл. в 1784 – 1791) раскрыл сущность «духа времени» как исторической категории, показав его движение по восходящей, когда настоящее не отменяет прошлого, а обобщает его, вбирает его опыт⁶. Острое ощущение динамики истории сопровождалось сложными, противоречивыми, нацеленными на будущее процессами формирования исторического мышления и национального самосознания. Аккумуляция «духа» и нравственного опыта нации приводила к тому, что история становилась почвой для национального искусства.

Философия Монтескье и Гердера определяла направление умов не только в Европе, но и в России: их произведения читали, переводили, печатали, бурно обсуждали в литературных кругах и светских салонах⁷. Под их непосредственным влиянием русская культура обратилась к воскрешению национальной мифологии, что нашло отражение в собирательской и издательской деятельности русских просветителей – современников Львова. Уже в последней трети XVIII в. появились «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями» М.И.Попова (1768), «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических

⁰ Милюгина Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка с методикой начального обучения.

E-mail: Elena.Milyugina@tversu.ru

¹ Строганов М.В. Заметки о литературном наследии Н.А.Львова // Гений вкуса: Материалы международной научной конференции, посвященной творчеству Н.А.Львова / Ред. М.В.Строганов. – Тверь: 2001.

² Коковина Н.З. «Дух времени» и «дух народа» в эстетических исканиях Львова // Гений вкуса: ...

³ Сорочан А. Ю. «Добрыня»: Львов на подступах к сказочной мотивировке характера // Гений вкуса: ...

⁴ Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: 1985.

⁵ Строганов М. В. Заметки о литературном наследии Н.А.Львова // Гений вкуса: ...

⁶ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: 1977.

⁷ Русско-европейские литературные связи. XVIII век: Энциклопедический словарь. Статьи / Т.В.Вольская, Н.Д.Кочеткова, В.А.Кузнецов и др. – СПб.: 2008.

жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч.» М.Д.Чулкова (1786), а чуть позже, в начале XIX в., – «Славянская и российская мифология» А.С.Кайсарова (1804), «Древняя религия славян» Г.А.Глинки (1804) и др. Идеи воплотить «дух времени» и «дух народа» в оригинальном мифотворчестве, развивая славянские традиции, занимали и русских писателей – А.Н.Радищева (поэма «Бова»), Н.М.Карамзина (богатырская сказка «Илья Муромец»), Г.Р.Державина (драма «Добрыня») и др.

Поиски русской культурой «духа времени» и «духа народа» отразились и в творческих размышлениях Львова. Хорошо знакомый с философией Монтескье и Гердера⁸, поэт видел выражение сознания и национального характера народа в его языке, искусстве, поэзии. Поэтому постижение «духа народа» для него было связано с освоением устного народного наследия, летописных сводов, памятников древнерусского искусства и с творчеством по законам исконно русских традиций. Активное обсуждение общих творческих проблем шло и в львовско-державинском кружке, в который входили поэты И.И.Хемницер, М.Н.Муравьев, И.М.Муравьев, Ф.П.Львов и А.М.Бакунин, художники Д.Г.Левицкий, В.Л.Боровиковский, А.Н.Оле-нин, композиторы Д.С.Бортнянский, Е.И.Фо-мин и Н.П.Яхонтов, химик и минералог А.А.Мусин-Пушкин. Дискуссии были связаны с поиском типологических параллелей в искусстве античности, европейского и русского средневековья, уяснением взаимосвязи русской и европейской культур, задачей воскрешения славянских мифов.

Программным поэтическим манифестом львовско-державинского круга, отразившим стремление постичь культурную самобытность русского народа, стала поэма Львова «Русский 1791 год» («Зима», 1791). Поэма чрезвычайно интересна масштабностью задачи, богатством использованного этнофольклорного материала, разнообразием художественных средств и приемов, оригинальна по сюжету и композиции.

Наступление зимы уподобляется приезду богатой барыни, высылающей вперед своего вестника и перекраивающей все по собственному желанию. Вестник Зимы сказочен: он «в серебряном уборе и в камнях дорогих» «между облаков хоральных... едет из светлиц кристальных...»⁹. Переход на зимние теплые одежды обыгрывается поэтом с использованием общеевропейского мотива маскарада и фольклорного славянского обряда ряженья. Встречающие вестника «одеваются лисой, наряжаются волками, иль медве-

дем, иль бобрами» – и тут пассаж, набравший было празднично-карнавальную динамику, неожиданно завершается переворачивающей его смысл острогой: «Всяк согласно с кошельком»¹⁰ – вполне в духе карнавальная традиция.

При описании зимнего пейзажа Львов использует приемы сказочного остранения, декорирования пространства: здесь и даровые «румяны» от вестника-мороза, и «бурмицкий» (поддельный) жемчуг замерзших на бороде капель, и «алмазны бахромы» сосулк на высоких теремах, и «топазы фонари» вместо фонарей простых. При всем изысканном, богатом, фейерверку подобном метафоризме поэт ни разу не нарушает принципа зрительной точности деталей, что создает удивительно целостную художественную картину.

Описание зимних праздников сочно, вкусно, зримо. Этому способствует употребление постоянных эпитетов и традиционных фольклорных метафор: здесь и «рукавицы золотые», и «пряничные сласти», и «вины ароматны», и «жребий благодатный». Те, кто не блюдет народных обычаев и правил русского – именно русского – маскарада («Штофный домино скроил по зефинову мундиру, что в Париже он носил»¹¹), заболевают и выпадают из картины всенародного веселья. Действительно русские духом, по мысли поэта, – те, «Кто для истинных утех, / Во светлице небогатой / Сидя в дружестве кружком / С истинным прямым лицом, / Страстна сердца дух крылатой / Отдавал судьбе в залог»¹². Деятельность в дружеском кружке есть часть биографии Львова – и вместе с тем это символ русской культуры того времени.

В сюжет поэмы органично впаяны картины святочных игр и обрядов: гадания на женихов по луне, по первому встречному, по растопленному воску, толкование приснившихся снов, пение подблюдных песен и *слав*ы и т.д. Точно воссозданные поэтом национальные обычаи выражают русскую ментальность, предвосхищая картины святочных гаданий в «Светлане» В.А.Жуковского и «Евгении Онегине» А.С.Пушкина. Однако русские забавы у Львова лишены романтизированного мистицизма его литературных последователей – это путь сохранить «славу искони веков».

Зимние холода выступают проверкой земляков на верность русскому образу жизни. Многие из них изменили традициям своих предков и потому утратили силу и здоровье. Сжалившись над ними, Солнце в знаке Козерога поворачивается на лето и повелевает отослать Зиму на север. Неудобная бедствующая Зима напоминает Масленицу-мокрохвостку, которую гонят со двора: «потеряла разум весь, потеряла прежнюю спесь...»¹³. С уходом зимы – конец забавам; она еще прячется по углам, но и ей выходит срок. Зимний цикл завершен – и поэт, простившись с зимой, уже

⁸ Лаппо-Данилевский К.Ю. К вопросу о творческом становлении Н.А.Львова (По материалам черновой тетради) // XVIII в. Сб. 16. – Л.: 1989.

⁹ Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С.Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю.Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н.А.Львова подготовлен А.В.Татариновым. – Кёльн; Веймар; Вена; Бёллау; СПб.: 1994. – С. 166.

¹⁰ Там же. – С. 167.

¹¹ Там же. – С. 170.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 174.

начинает рисовать читателю радостные и звучные предвесенние пейзажи.

Таким образом, поэма «Русский 1791 год» воспроизводит весь зимний календарный цикл обрядов – от встречи зимы до Масленицы. Выражая национальный дух в выборе темы, чередой ярких изобразительных деталей, сюжете, наконец «мышлении формой», Львов создает неповторимое архитектурное целое, отличающееся этнокультурным своеобразием и исторической глубиной. Именно поэтому «Русский 1791 год» можно считать поэтическим манифестом русского предромантизма в области выражения национальной специфичности в искусстве.

Подчеркнуто русская тематика, одушевление природных стихий, особенности рифмовки и ритмики роднят «Русский 1791 год» не только со «Стихами на рождение в Севере порфирородного отрока» (1779) Державина, но в еще большей степени с державинским же шуточным «Желанием Зимы» (1787), наброском Хемницера «Зимую службу мы несносной называем...» (не дат., до 1784), элегией Капниста «Зима» (не дат., опублик. 1805) и др. Написанные примерно в одно время, эти стихи поэтов львовско-державинского кружка кажутся опытом своеобразного поэтического состязания. Цель этого воображаемого состязания – освоение материала, средств и приемов народной календарной поэзии и поиски путей преломления их в художественном целом той или иной литературной формы: от торжественной оды до грубоватой солдатской песни, от предельно лаконичного афоризма до эмоционально развернутой элегии. Понятно, что состязания как такового не было – это метафора (хотя известно, что в те же годы переводы и переложения из Анакреона, к примеру, были выполнены этими поэтами в режиме азартного соперничества). Но сравнение поэтических произведений львовско-державинского содружества убеждает в том, что тесное творческое общение на протяжении более чем двух десятилетий было не чем иным, как осознанно направленным движением по выработке новых форм художественного мышления и поэтических изобразительно-выразительных средств, одним из основных источников которого была русская народная поэзия.

Споры о «духе времени» и «духе народа», определяя пути развития поэзии, настойчиво требовали пересмотра представлений и о поэте и его читателе. За бурными спорами вокруг поэзии неизбежно вставал вопрос о миссии и функции поэта в культуре нации. В условиях, когда предыдущие художественные системы расшатали себя попыткой удержаться в рамках традиции, увеличив число апологетов и подражателей, возникла ситуация художественного хаоса, требующего, чтобы из него сотворили космос. Русский предромантизм, полемизировавший и с классицизмом, и с просветительской идеологией, и с сентиментализмом, напряженно искал новые пути развития искусства и намечал его перспективы.

Эстетический поиск концепции национального поэта стал предметом «богатырской песни» Львова

«Добрыня» (1796, опублик. 1804), представляющей собой литературный эксперимент по форме и поэтический манифест по содержанию. Поэма ставит вопрос не только о выборе традиции, как «Русский 1791 год», но и о возможных путях ее развития, и о поэтическом и читательском контексте, в котором те или иные варианты продолжения традиций составляют или не составляют. Написанная в ключе героического эпоса, поэма диалогична и драматизирована по форме. В результате вместо ожидаемого эпического повествования о давно прошедшем, имеющем уже завершение, перед читателем разворачивается театрально-драма-тургическое действие, итог которого предсказать на какой-либо из его сцен практически невозможно. Более того, поэма не завершена – и не только ее сюжет, но и поэтическое кредо остается лишь угадывать в логике литературоведческой эвристики.

Поэма предваряется аллегорической программой, которую Львов назвал «оглавлением»: «Автор, ходя по лесу ночью, струсил: от страха затынул песню; призывает русский дух к себе на подкрепление, сей не узнает его, исчезает и оставляет гудок ему. Певец просит помощи у своих товарищей, которые жеманятся, слыша стихи его. Наконец встречается он с Богуслаевичем, за ним вслед идет, и о прочем, без чего бы и обойтись можно было»¹⁴. В программе названы основные действующие лица эпико-театрального действия: *автор* – поэт; *русский дух* – персонификация традиции народной поэзии и, шире, народного искусства; *товарищи* – поэтическое окружение Львова, деятели современной ему российской литературы; *Богуслаевич* – условная фигура, герой русского эпоса, выступающий в функции проводника в мир традиции.

Программа драматургически развернута в повествование, сходное жанровыми очертаниями с русской народной волшебной сказкой. Сказочен хронотоп: темная ночь, дремучий лес, чистое поле. Сказочна история: потеря пути, призывание героя-помощника, явление дарителя, обретение волшебного средства, неумение им воспользоваться, обретение чудесного проводника и т.д. Однако в сказочную оболочку «упакован» безусловно *эстетический* сюжет.

Зачин поэмы звучит в духе фольклорных песен и «страшных» сказок: «О, темна, темна ночь осенняя! / Не видать в небе ни одной звезды, / На сырой земле ни тропиночки; / Как хребет горы, тихо лес стоит, / И ничто в лесу не шелохнется; / Гул шагов моих мне наводит страх. / О, темна, темна ночь осенняя! / Страшен в темну ночь и дремучий лес»¹⁵. В меньшей степени это начало ассоциируется с зачином литературных хождений, и прежде всего акроаматических. Ближайшей ассоциацией является начало «Божественной комедии» Данте – вступление в Дантов лес, предшествующий Дантову аду: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, /

¹⁴ Там же. – С. 192.

¹⁵ Там же. – С. 192.

Утратив правый путь во тьме долины» (пер. М.Лозинского). Но если Дантов лес – это пространство и время, в которых современники автора предаются человеческим порокам, то дремучий лес Львова – хронотоп безмолвия, безъязычия, которое можно понимать как следствие недостаточности, односторонности современной автору художественной словесности, нереализованности ею неких скрытых, но существенных поэтических сил.

В согласии с каноном сказки, герой-поэт выходит в чистое поле и призывает героя – «русский твердый дух», ожидая, что тот явится «с побрякушками, с приговорками, с прибабенками». Призыв услышан – поэту является Световид, «Славянский Фив, или Аполлон», по определению Львова, «богатырский дух русских витязей». Призванный «к радости старорусским петь мерным голосом» – выполнению своего святого ремесла, он, однако, не может помочь герою. Как говорит Световид, возвращение старорусских песен невозможно: «Не время». Не время – для поэта, который искал простого повторения богатырского пения, ремесленного ему обучения; не понимая его глубинной силы, путая его с побрякушками, приговорками, прибабенками – рудиментами былой традиции, о которой помнил как о ритуале, уже потерявшем свой сакральный смысл. Не время – для слушателя, утратившего традицию богатырских дружеских пиров, открытых хлебосольных семейных вечеров, широкогостеприимства для званых и незваных.

Пока богатырская песнь воспринимается поэтом и слушателями как вид «проклад», она не может быть возрождена в истинном своем духе, а подражания ей, по мысли Световида, недопустимы как профанизация самой ее идеи. Это не означает гибели, полной утраты русского духа. Световид говорит о его жизненности, неувыдаемости, но – не востребованности: «Позовут меня – я откликнусь, / Оглянусь, но – не знаком никто / Ни одеждою, ни поступками»¹⁶. Контекст современной поэту культуры не допускает возрождения русского духа: поэты не опознают его в поэтическом арсенале возможных художественных стилей и традиций, а Световид как бог русской (славянской) поэзии не видит среди них преемника.

Свидание поэта со Славянским Фивом сходно со сказочной ситуацией «даритель и волшебные дары». Поэт получает инструмент для истинно русской поэзии – гудок со смычком: так Световид обретает преемника и символически передает ему ремесло. Однако искусством игры поэт еще не владеет: «Я гудок взял, не знаю как, / Задерябил на чудной лад, / Как телега намазана; / На колене играючи, / Поплелся ковыляючи...»¹⁷.

Показательна не только творческая целеустремленность и универсальность Львова, но и его художественная толерантность. Древнегреческая лира и традиционный русский гудок – не противоречащие, но взаимодополняющие понятия, неотъемлемые

составляющие искусства как способа творческого самовыражения национальных поэтов и народов в целом: «Ведь не лира – гудок гудит, / Не Алцей – новотор поет»¹⁸. В отличие от классицистов с их системой правил и социальной разъединенностью жанров, поэт утверждает «различные меры» поэтического ремесла и искусства как самоценные, значимые в эстетическом смысле и потому ищет единомышленников от искусства: «Не покиньте товарища, / Скоморохи различных мер!»¹⁹.

Другая проблема – проблема репертуара. Если лира требовала антиквизированных песен, то гудок предназначен для исконно русских сюжетов и мотивов. Отсюда просьба поэта: «Дайте, дайте мне пестуна, / Дайте русского витязя!»²⁰. Перечисляя далее традиционные образы и сюжеты современной ему отечественной литературы, которые считались русскими по духу и стилю и интерпретировались авторской сказочной прозой, Львов развенчивает многие из них, указывая на их иноязычные, инациональные корни. В этот ряд попадают франко-итальянский по происхождению роман «Бова-королевич», венецианский роман «Франц и королева Ренцывена», переведенные еще при царе Алексее Михайловиче. Истинно русскими героями Львов считает богатырей эпохи Владимира: «Нет, такого мне дайте витязя, / Как в чудесный век Володимира / Был принизистый сын Ременников, / Как Полкан бывал, иль как Лазарич, / Иль Потаня»²¹. Строго говоря, разграничение Львова не очень точно: Полкан появился на Руси вместе с Бовой, в его истории, а Еруслан Лазарич – герой, «импортированный» из восточной литературы.

Наконец, сам литературный язык – в широком смысле слова: семантика, ритмика, звуковая организация – требует обновления, очищения от инородных элементов и возвращения к истокам истинно русской поэтической речи: «Анапест, спондей и дактили / Не аршином нашим мерены, / Не по свойству слова русского / Были за морем заказаны; / И глагол славян обильнейший, / Звучный, сильный, плавный, значущий, / Чтоб в заморску рамку втискаться, / Принужден ежом жаться, корчиться / И, лишась красот, жару, вольности, / Соразмерного силе поприща, / Где природою суждено ему / Исполинский путь течь со славою, / Там калекою он шетинится»²². Образцом поэта, держащего в обновлении языка, для Львова является Ломоносов – «сын усилия», обладавший «властью русского славословия».

Миссия национального поэта – вслед за Ломоносовым и его сподвижниками утверждать русский стиль в поэзии, руководствуясь умением, экспериментаторским поэтическим мышлением и собственным вкусом. Лишь при условии единства этих трех составляющих поэту удастся возродить национальную традицию на современном уровне, не копируя ее прежних образцов, но и не создавая несовершенных подделок и фальшивых подделок. Львов не утверждает, что таким образом возрожденная нацио-

¹⁶ Там же. – С. 194.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. – С. 195.

нальная поэзия будет сразу принята читателем, – напротив, он уверен, что процесс принятия нового будет долгим и трудным, настолько сознание российского читателя далеко от народных поэтических истоков.

Таким образом, поэмы Львова «Русский 1791 год» и «Добрыня» представляют собой программно-эстетический комплекс, связанный стержневыми идеями «духа времени» и «духа народа». Почерпнутые поэтом в философии Монтескье и Гердера и со-

отнесенные с русской национальной фольклорной и литературной традицией, эти идеи стали основой для создания концепции русского национального искусства.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 196.

²² Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С.Лихачева... – С. 196.

«SPIRIT OF TIME» AND «SPIRIT OF THE NATION» IN POETIC MANIFESTS OF N.A.LVOV

© 2009 E.G.Milyugina^o

Tver state university

The article is devoted to N.A.Lvov's (1753 – 1803) reception of Russian folk tradition and its refraction in his creative works. The discourse is based on observations concerning his poetic manifests «Russian 1791 year» and «Dobryn'a». For the first time they are described as an aesthetic complex. The purpose of the research is to explain Lvov's concept of the national specificity in art.

Key words: Russian literature of XVIII century, N.A.Lvov, folklore tradition, problem of national specificity in art.

^o Milyugina Elena Georgievna, Cand. Sc. in Philology,
Associate professor of the department of the Russian language
with a technique of elementary education.
E-mail: Elena.Milyugina@tversu.ru